

ЛЫСКОВ В. Г. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ЛЫСКОВ Вениамин Григорьевич, родился в 1877. Малограмотный. Крестьянствовал и служил псаломщик в церкви Шенкурского уезда. В 1920-х — посвящен во иерея, служил в Кодемском приходе. Присоединился к обновленцам и получил от них Липовский приход. 4 сентября 1927 — арестован, 20 апреля 1928 — приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Усть-Цильму Печорского района Архангельской области. В июле 1928 — обратился за помощью к Е. П. Пешковой:

<10 июля 1928>

«Многоуважаемая Екатерина Павловна.

Узнав от добрых людей о Вашей помощи для несчастных и бедных, я осмелился беспокоить вас, просить ходатайства и помощи. Живя псаломщиком 27 лет на $\frac{1}{4}$ ч<асть> доходов с семейством из 9 человек, мы все время находились в самом бедственном положении. Жизнь псаломщика была самая тяжелая, особенно многосемейной, так как дохода земли и сена давалось 7-и членов и самой худой, и никогда нельзя было уйти из дома без спросу. Помещения были холодные, жена у меня уже более 20 лет болеет, ревматизмом в ногах. Хлеба никогда не хватало, жалованья было 98 р<ублей> в год, и были все время в долгах. Были все время запуганные от священников. Прослужив в последнем приходе 22 года, мы дождались революции, которая и освободила нас от рабства. Землю отняли тогда у причта, прихожанам содержать стало трудно обоим, попа и псаломщика. Что же делать тогда? Граждане велели мне проситься священником куда-нибудь. Учения я маленького, отец был из крестьян, тогда был бедным псаломщиком, семейным, и меня недоучил, я едва попал псаломщиком. И вот, благодаря Сов<етской> Власти меня без экзамена назначили священником, но только в самый бедный и залесный Кодемский приход Шенкурского уезда, где мы промаялись 2½ года и чуть не погибли все от голода, 2-х детей похоронили — умерших от голода, народ бедный, а общество очень маленькое. Там мы все проели на хлебе, и за налоги взяли у нас последнюю единственную корову. Духовное начальство мне хорошего прихода не давало, так как я из псаломщиков и мало учился.

Случайно я познакомился со священником из обновленцев, и он мне наобещал дать другой приход, несколько получше, если я подпишусь в обновленцы, я подписался, и он меня через месяц перевел в другой приход, получше в продовольственном отношении, но тоже маленький и залесный. И дети мои, дочери, работают у людей, рубят лес и возят его на чужих конях по зимам, и спят в лесных избушках с лесорубами всю зиму, а летом косят и жнут в людях. Живут в маленьком домике без кладовых, без сеней и ворот, и нет никакой мебели. Находясь в таком трудном положении, мне привелось еще врасплох попасть под арест 4 сентября 1927 г<ода> и высылку с 20 апреля 1928 г<ода>, будто бы за агитацию по 58-й ст<атье>. Я никогда не был под следствием и судом, а мне уже 51-й год. Не было мне никакого вреда от Сов<етской> Власти, и я никогда ее не бранил, а, напротив, еще хвалил, что она избавила нас от рабства у попов. У меня представлено заявление и протокол от граждан в Арх<ангельское> ОГПУ о безвредном поведении для Сов<етской> Власти. Было послано через Арх<ангельское> ОГПУ заявление в ВЦИК от 6 мая с<его> г<ода> о помиловании и было упомянуто о протоколе от граждан, отданном следователю, но не знаю, дошло ли оно до ВЦИКа, так как я не мог в Исправдоме получить из ГПУ почт<овую> квит<анцию>, несмотря на 7 заявлений. Дело мое пошло по злости, у партийного

торговца кооператива Василия Федоровича Баева я не стал крестить младенца, мне не позволил Пред<седатель> Церк<овного> Совета, и он с сего времени начал мне мстить, не стал товаров в кредит отпускать и обещался мне припомнить это. И вот, в ихний праздник Духов день в июне 1927 г<ода>, воспользовшись моей нетрезвостью, они наговорили на меня много лишнего, что будет война, и побьют коммунистов, и ругал Рыкова и др<угих>, и также побьют и тех, которые мне не платят хлеба, но все это же чистая глупость, это заставляет говорить голод и тяжелые обстоятельства, да и говорил ли я это, и сам плохо помню, но, не бывая никогда на следствиях, был вечно напуганным, и тем более следовательно объяснил, что за чистосердечное раскаяние наказания не будет, я и сказал ему, что, вычитав из газет, я говорил про войну, но без всякого вреда для Сов<етской> Власти. Все прихожане нашего Липовского общ<ест>ва пишут и говорят мне, что я ничего не говорил даже. У них представлены заявления и протокол в арх<иве> ОГПУ о моем поведении и бед<ственном> семейном положении

Слезно прошу Вас, добрейшая Екатерина Павловна, похотатайствовать о избавлении меня от ссылки или сбавить срок ея, чем избавите мое семейство от неминуемой гибели от голода, все время живущего в нищете и долгах, и работах. Сейчас я нахожусь в ссылке, не имею ни копейки денег, и дома нет у своих хлеба, нет и ничего. Прошу Вас, Екатерина Павловна, помогите мне, сколько возможно в материальном положении. Амнистия 10-летия мне почему-то не применена. Буду ждать с нетерпением Вашей милости.

10 июля 1928 г<ода>. Священник Вениамин Григ<орьевич> Лысков.

Адрес: село Устьцильма Печорского уезда

Архангельской губернии, священ<нику> В. Г. Лыскову.

При сем присылаю марку на ответ»¹.

На письме — помета рукой Е. П. Пешковой <трудно разбираемая>:

«Сообщ<ить> отв<ет> С<екретного> О<тдела> и сообщ<ить> что в данное время к сохран<ению> матер<иалов> <нрзб>. ЕП».

В феврале 1930 — Вениамин Григорьевич Лысков находился в Ненецком округе².

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 248. С. 254-255. Автограф.

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1: Д. 457. С. 210, 219; Д. 531а. С. 232-238; Д. 1725. С. 64-66.